

К ВОПРОСУ О ХЕРСОНЕССКИХ КЛЕРАХ

Основной работой по изучению херсонесских клеров (земельных участков политов Херсонеса) является труд С. Ф. Стржелецкого «Клеры Херсонеса Таврического¹». После появления этого труда аграрные отношения Херсонеса получили совершенно новый, отчетливый вид. Делается понятным все значение Херсонеса, как исключительно важного для науки раздела и объекта для исследований. «Памятники земледелия Херсонеса Таврического представляют значительный и во многих случаях неповторимый вклад в общую сокровищницу античной культуры, являющейся фундаментом культуры Европы и всего современного человечества...»². Так восторженно отзывается о памятниках Херсонеса и о значении изучения античного мира Стржелецкий в конце своего труда.

Действительно, если вообще археологические памятники являются важными источниками для решения исторических проблем, то ряд комплексов памятников материальной культуры Херсонеса имеют особую важность, т. к. представляют в наше распоряжение довольно надежные статистические данные. К числу их можно отнести систему фортификационных сооружений, рыбозасолочные цистерны, земельные наделы Гераклеийского полуострова. При условии правильного исследования этих объектов, установления времени их функционирования можно решить ряд экономических вопросов древнего мира и раннего средневековья, которым авторы того времени уделяли сравнительно мало внимания.

Несмотря на обилие вещественных памятников и более чем столетнее их изучение, монографии по отдельным проблемам ис-

¹ С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, вып. VI, Симферополь, 1961.

² Там же, стр. 16. (В дальнейшем ссылки на страницы монографии будут даваться в тексте).

тории Херсонеса — редкое явление (работами К. Э. Гриневича, А. Л. Яковсона, А. И. Тюменева и С. Ф. Стржелецкого исчерпывается список специальных исследований проблемного характера, вышедших за годы советской власти). Это обязывает нас внимательно отнестись к труду С. Ф. Стржелецкого.

Ниже мы намерены высказать несколько соображений по ряду проблем, которые поставлены в этой содержательной монографии. Конечно их целесообразно расположить в том порядке, который мы имеем в указанной работе, так как он не случаен и продуман автором. Мы далеки от мысли высказаться по ВСЕМ проблемам, которыми богата книга — хотя бы уже по тому, что этого не позволяют рамки статьи настоящего сборника. Поэтому выберем те, которые в какой то мере ближе автору настоящих заметок.

I. Историография Гераклейского полуострова, естественно, включающая историю интерпретации его памятников. Здесь достаточно полно дана картина истории изучения сельскохозяйственных комплексов на этой территории. Этот материал мог бы быть предметом специального исследования, которое было бы особенно ценным, если бы приложения к нему составили публикации архивных материалов.

Конечно, автор не мог ставить в данном случае такую задачу, тем не менее ему удалось наметить основные линии, по которым должна вестись эта работа. В частности ценна попытка установить периоды в истории изучения Гераклейского полуострова. Внимательный анализ работ, относящихся к истории херсонесского земледелия, позволил автору создать убедительную основу для периодизации изучения Гераклейского полуострова, которая, по нашему мнению, станет исходным путем для дальнейших исследований. Следует пожалеть, что в первом периоде за пределами внимания осталась важная работа И. А. Стемпковского³, а последний период очерчен очень бегло. Во всяком случае теперь имеется возможность для продолжения этой работы и, конечно, скорее всего и успешней с ней справится автор указанной монографии.

II. О начальном периоде истории земледелия Херсонеса (IV в. до н. э.). Кроме того, в научный оборот введены наиболее существенные результаты исследований Н. М. Печенкина,

³ И. А. Стемпковский. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском Крае. «Отечественные записки», Спб, 1827, ч. 29, кн. 81, стр. 40—72.

опираясь на изученный лично материал, исходящий из других частей Гераклеийского полуострова, С. Ф. Стржелецкий пришел к ряду самостоятельных выводов, среди которых наиболее существенными являются: хронология хозяйственных комплексов Маячного полуострова, их назначение, занятия жителей и соображения о социально-экономических отношениях обитателей этого полуострова.

При рассмотрении экономики так называемого Страбонского Херсонеса нельзя не встать на определенную позицию в вопросе об его отношении к Херсонесу у Карантинной бухты. Автор справедливо не стал анализировать историю этого спорного вопроса, отметив лишь, что «оба городские поселения: на перешейке Маячного полуострова и на берегу Карантинной бухты — существовали в течение IV — II вв. до н. э. (стр. 14). Конечно, при современном состоянии источников не представляется возможным решить его положительно, но характер исследования обязывал автора избрать гипотезу, наиболее приемлемую с его точки зрения. Из текста следует, что такая гипотеза у него есть и он ею руководствуется при сопоставлении экономики обеих Херсонесов (напр., на стр. 43 клеры Маячного полуострова рассматривается как этап в развитии экономики Херсонеса; эта же мысль проводится на стр. 157. Наконец, само название II главы: «История земледелия Херсонеса Таврического в IV в. до н. э.» говорит о том же). Было бы желательно иметь соображения автора по этому поводу сформулированными более отчетливо.

III. О сельскохозяйственной территории Херсонеса, ее организации и формах земельной собственности. Для решения первых двух вопросов автором была проделана большая полевая работа с последующими еще более кропотливыми камеральными исследованиями. Все это позволило ему установить площадь возделываемой земли, количество наделов, их размеры и форму, число усадеб и их взаимосвязь с клерами. Особенно важно наблюдение за временем существования усадеб, которое намечает пути изучения эволюции земледелия в херсонесском государстве. Можно с уверенностью полагать, что высказанные автором соображения по этим вопросам в результате дальнейших археологических работ получат блестящие подтверждения.

Наиболее сложным теоретическим вопросом является вопрос о формах земельной собственности. Во-первых, и главным образом, из-за состояния источников, во-вторых, потому, что поставлен он сравнительно недавно. Все кто занимался им, как

правило, склонялись к мысли о наличии частей собственности на землю у херсонесцев, закрепленной оградами клеров⁴.

С. Ф. Стржелецкий считает, что на Гераклейском полуострове бытовали в эпоху эллинизма две формы собственности: государственная (на необрабатываемые угодия — лес, луг) и частная — на среднюю и мелкую собственность. С автором трудно спорить, поскольку в арсенале спорящих сторон слишком скудный запас источников. Больше того, при современных данных по этому вопросу, точку зрения С. Ф. Стржелецкого можно считать неоспоримой. И тем не менее мы рискуем высказать некоторые соображения, которые возможно в будущем окажутся принятыми во внимание.

А. Видимо не случайно вплоть до выхода в свет трудов С. Ф. Стржелецкого по вопросам земледелия не установилось определенного названия для земель, включенных в ограды. С. Ф. Стржелецкий стал настойчиво вводить в научный оборот слово «клер», что означает «жребий», «наследство», «надел». Из этого прежде всего видно, что клер не являлся обозначением размера земельной площади. Поэтому совершенно прав С. Ф. Стржелецкий, замечая, что клер это «определенный экономический и политический институт античного полиса» (следовало бы добавить и социальный) (стр. 43). Клер — явление, порожденное эпохой становления рабовладельческого общества, отражение общинного землевладения. Недаром этот термин мы встречаем в гомеровских поэмах. Следовательно, если мы правильно называем земельные наделы херсонесцев клерами, то необходимо установить, какое время они сохраняли свое значение участков, полученных по жребию от общины в неотчуждаемое наследство.

Б. С. Ф. Стржелецкий использует фрагменты известного «Акта о передаче земли» только для обоснования предложения о наличии частной собственности на землю. При таком состоянии, в котором находится документ, из него вряд ли можно извлечь большее. Но поскольку автор довольно подробно комментирует «Акт» в работе, относящейся к Гераклейскому полуострову, пожалуй, следовало бы высказать свои соображения о степени

⁴ Е. Г. Сувор. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уз МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXVIII, 1942, вып. I. И. Н. Бороздин счел нашу точку зрения «безапелляционной», хотя наличие частной собственности на землю у херсонесцев основывалось здесь на анализе некоторых данных Гераклейских памятников и на общих закономерностях древнего мира. (И. Н. Бороздин, В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. СА, 1957, № 1, стр. 357).

отношения «Акта» к этой территории, тем более, что предположение по этому поводу было высказано⁵.

На наш взгляд, «Акт» никакого отношения к Гераклеяскому полуострову не имеет. Во-первых, между временем его издания и временем сокращения числа усадеб, зафиксированным С. Ф. Стржелецким проходит, по меньшей мере 200 лет; во-вторых, как бы ни истолковывать числа документа, ясно, что они сильно различаются между собой. При наличии на Гераклеяском полуострове в основном одинаковых по своим размерам клеров, трудно объяснить разнорядность в ценах. Наконец, нет ни аналогии, ни логических соображений о причинах столь спешной ломки устоявшейся на полуострове системы землевладения.

В. Не оспаривая наличия мелкой и средней частной собственности на землю в херсонесском государстве, нам кажется, что клеры Маячного полуострова вряд ли могут служить удачным аргументом в пользу предположения, что эти формы существовали...» с самого начала размежевания основной территории граждан полиса» (стр. 64). Во-первых, клеры Маячного полуострова и остальной части Гераклеяского полуострова разновременны, чего несмненно не отрицает и сам автор (стр. 29), во-вторых, и это кажется наиболее важно, нам неясен характер взаимоотношений между поселениями греков на Маячном полуострове и на берегу Карантинной бухты. Вопрос этот настолько темен и спорен, что автор справедливо неоднократно отказывается от участия в его решении (стр. 14, 29).

IV. Организация хозяйства на клерах, сельскохозяйственные культуры, агротехнические мероприятия, связанные с их возделыванием и, наконец, усадьбы—это один из наиболее ценных комплексов проблем, выдвинутых С. Ф. Стржелецким. Решая их он использовал все археологические работы на Гераклеяском полуострове, свидетельства античных авторов о земледелии и практику возделывания некоторых культур в Крыму в настоящее время.

⁵ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 35. Кстати, соображение В. Д. Блаватского о том, что Гимн, сын Скифа, упоминаемый в «Акте» и в списке дельфийских проксенов 195—194 гг. до н. э. (если это одно лицо), являлся состоятельным лицом (стр. 29), кажется нашло еще одно подтверждение. Нашими раскопками в Северозападной части херсонесского городища обнаружено на черепице очень тщательно изготовленное клеймо (вернее оттиск его), принадлежавшее астиному Гимну. Судя по пространству, на котором должно было оттиснуться отчество (по небрежности не оттиснуто), оно как раз достаточно для слова *Ἐκννα*

Достоинством этой части работы является тщательно собранный статистический материал по пяти клерам. Можно смело сказать, что автор положил начало новой методике исследования Гераклийского полуострова, которая позволила ему обоснованно пересмотреть имевшиеся взгляды и высказать новые соображения. К числу их относятся: выяснение соотношения возделываемых на клерах культур, бесспорное установление ведущей роли винограда среди других культур, всестороннее рассмотрение комплекса агротехнических мероприятий, связанных с выращиванием винограда. Очень важны данные, относящиеся к усадьбам. Раньше были известны только башни, которые являются частью усадеб. Это приводило к далеким от истины заключениям о их назначении. Предпринятое автором скрупулезное изучение всех помещений усадеб, позволило ему определить их назначение и вместе с тем нарисовать реальную картину жизни всего клера. Кроме того, автор впервые указал на наличие разных строительных периодов в истории усадеб Гераклийского полуострова.

Здесь автором предприняты попытки установить основную меру длины, которой пользовались херсонесцы (стр. 56—57). Эта задача, решением которой занимались раньше⁶, имеет большое значение для выяснения ряда экономических вопросов. Отметим, что автор сделал большой шаг вперед в этом вопросе. Однако сказать насколько его предположения справедливы, мы затрудняемся. Дело в том, что наряду с мерами длины, как известно существовали и меры площади. С последними мы имеем дело на Гераклийском полуострове (и, возможно, здесь в качестве основной меры площади применялся не гектарюг, а более удобная и распространенная мера — плефр).

В таком случае длина сторон участка не обязательно должна быть краткой основной мере длины.

Для выяснения технологии добывания виноградного сока автор располагал обильным материалом, полученным в Херсонесе, Боспоре и центрах античного мира за пределами Северного Причерноморья. Помимо того, автор открыл несколько виноделен, что позволило ему более подробно познакомиться с их устройством, лично проверить ранее имевшиеся данные о них, а главное, получить новые данные о их конструкции. На основании этого он описал типы виноделен Херсонеса, их устройство и процесс

⁶ В. П. Лисин. Античные хозяйства в районе Камышевой бухты. Архив ГХМ. Рукопись; Е. Г. Суров. Херсонесские пистерны. Свердловск, 1948, УЗ СГПИ, вып. 4; В. Д. Блаватский. Земледелие... стр. 44.

получения виноградного сока. Приходится сожалеть, что С. Ф. Стржелецкий не дал графического изображения своей конструкции пресса.

Заключительная часть монографии, несмотря на недостаточную изученность вещественных памятников, весьма перспективна. Она приоткрывает новую страницу истории земледелия Херсонеса Таврического. Автор избрал для анализа небольшой круг таких вопросов, при исследовании которых он мог опереться на материал из своих раскопок. Наиболее важным открытием является установление факта сокращения усадеб в первые века н. э. и концентрации земельных угодий в руках наиболее зажиточной части населения херсонесского государства. Это, между прочим, подтверждается и эпиграфическими данными об аристократизации государственного строя Херсонеса в это время (надпись в честь Диа... Гераклеяца⁷ и, открытый экспедицией Уральского университета, декрет в честь Папия, сына Гераклеона)⁸. Важно также выяснение изменения соотношения сельскохозяйственных культур.

С. Ф. Стржелецкий ставит вопросы экономики земледелия Херсонеса и связанными с ними вопросы его истории. Прежде всего заслуживает всяческого одобрения сама постановка общих проблем, чего иногда чуждаются археологи. Конечно, источники, которыми приходится в данном случае пользоваться, не дают возможности окончательно решить некоторые проблемы, поэтому автор неоднократно подчеркивает предположительность своих суждений. Выскажем в связи с этим некоторые соображения.

А. О рабочей силе. То, что в экономике Херсонеса важную роль играл труд рабов, не приходится сомневаться (помимо памятников Херсонеса — известное надгробие рабу, помещения для рабов в усадьбах Гераклеяского полуострова и костяк в кандалах, обнаруженный нами в 1961 г. в С-3 части херсонесского городища — мы располагаем общеизвестным материалом, относящимся к античному обществу), но полагать, что почти все работы выполнялись рабами, как это видно из контекста книги, вряд ли правомерно. Во-вторых, сезонность сельскохозяйственных работ заставляла неизбежно пользоваться наемной рабочей силой и силами членов семьи. Так же смелым является предпо-

⁷ Латышев В. В. Эпиграфические этюды. IX. Херсонесский почетный декрет. ЖМНП, 1907 г., ч. VIII, март, отд. V.

⁸ Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись. ВДИ, 1960 г. № 3.

положение об обязательном наличии виликов на клерах (стр. 91. 105, примечание 1-е к табл. на стр. 151), основанное на данных Катона. Катон жил много лет спустя после того, как появились клеры Гераклеийского полуострова и, главное, римским землевладельцам, для которых предназначался труд Катона, поневоле приходилось прибегать к услугам виликов, так как латифундии не являлись единым комплексом. Другое дело херсонские клеры — они не велики, все их угодья сосредоточены в одном месте. Вряд ли при таком положении был целесообразен раход на вилика, вилику и человека, присматривающего за виликом?

Б. Чьи земли разделил Агасикл? Вопрос новый и интересный. Но с ответом автора на него трудно согласиться. С. Ф. Стржелецкий полагает, что Агасикл поделил земли, находящиеся в частной собственности (стр. 159) и что это было результатом реформы в «пользу рядовых демократов, в ущерб крупным землевладельцам» (стр. 160). Тогда почему же «нигде больше (кроме Маячного острова Е. С.) на остальной территории Гераклеийского полуострова пока не обнаружено памятников земледелия, которые можно было бы датировать раньше рубежа IV—III вв. до н. э. (стр. 157—158)? Да и текст надписи в данном случае мог бы быть более определенным (не размежевал, а, например, переделал). Наконец, такой передел, если бы он имел места, надлежало бы именовать не реформой, а революционными преобразованиями.

В. Мы более согласны с мнением исследователей, что главным занятием херсонесцев у Карантинной бухты в начальный период истории города была торговля. Иначе чем объяснить сравнительно позднее освоение прилежавшей к городу территории Гераклеийского полуострова. Слова К. Маркса о причинах принудительной эмиграции, приведенные автором (стр. 157) имеют в виду общие закономерности, из которых могут быть исключения и не содержат прямого указания на безземеление, как на причину колонизации.

Новые данные о херсонесском аграрном строе в основном не противоречат тем сведениям, которые имеются об античных полисах Греции в ранний период, но вносят много новых деталей, которые могут дать более четкое представление об аграрном строе античных городов — полисов. Материалы Херсонеса еще недостаточно привлекаются для характеристики полиса в мировой литературе. Нужно надеяться, что данные о клерах Херсонеса в освещении советской археологической науки, особенно в труде С. Ф. Стржеleckого войдут в качестве солидного материала в современную историческую науку.